

СТАТЬИ

*Ватлин А.Ю.**

Октябрьский переворот 1917 г. в Петрограде и его оценки в Германии

Аннотация. В статье разбирается вопрос, чем руководствовались ведущие политики и военные Германской империи в оценке большевистского этапа Российской революции, и делается вывод о том, что на первом месте стояло стремление обеспечить выход России из первой мировой войны и более широком плане – ее исключение из числа великих держав. Страх германских правящих кругов перед «мировым большевизмом» был «продуктом для внутреннего потребления» и не оказывал заметного влияния на принятие стратегических решений во внешней политике. В свою очередь для советского правительства на первом месте стояли вопросы сохранения собственной власти внутри страны, сколько-нибудь заметной поддержки левых сил в Германии вплоть до осени 1918 г. оно не оказывало.

Ключевые слова: Российская революция, большевики, Германская империя, Первая мировая война, Брестский мир, Ленин, Людендорф

УДК 94 (430)+94(47).084.2

Abstract. The article deals with the question of what guided the leading politicians and military men of the German Empire in estimation of the Bolshevik stage of the Russian Revolution and concludes that the main desire was to ensure Russia's withdrawal from the First World War and more broadly its exclusion from among the great powers . The fear of the German ruling circles over "world Bolshevism" was a "product for domestic consumption" and did not have a noticeable influence on the adoption of strategic decisions in foreign policy. However for the Soviet government in the first place were the questions of preserving their own power within the country and that's why it didn't provide any noticeable support for the leftist forces in Germany until the autumn of 1918.

Keywords: The Russian Revolution, the Bolsheviks, the German Empire, the First World War, the Treaty of Brest-Litovsk, Lenin, Ludendorff

* *Ватлин Александр Юрьевич* – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vatlin@mail.ru)

Российская революция 1917 г. перечеркнула устоявшийся ход вещей и стала предвестником новой эпохи не только в отечественной, но и в европейской истории. Однако на первых порах она оказалась в тени Первой мировой войны. Крах самодержавия виделся зарубежным наблюдателям прежде всего как следствие поражений на фронте, неспособности царского правительства перевести экономику страны на военный лад и отказа российского общества признавать легитимность прогнившего режима. «Большое видится на расстоянье», - написал когда-то Сергей Есенин. Всей глубины политических, а тем более социальных преобразований, начатых революцией, не представляли себе в семнадцатом году даже ее творцы.

И союзники России по Антанте, и ее главный противник – Германия, после Февраля 1917 г. задавались прежде всего практическим вопросом, выйдет или не выйдет новая Россия из мировой войны. Исходя из этого строилась и их русская политика, в целом ограничивавшаяся оперативным реагированием без выработки новой стратегии. Союзники обещали увеличить материальную помощь и слали Временному правительству телеграммы поддержки, Германия сделала ставку на поддержку его противников из стана левых радикалов и национальных движений. Но чем более необратимым становился революционный процесс в России, тем дальше анализ его глубинных причин и долговременных перспектив в европейских странах отходил от доминирования военных соображений.

Понимание того, что речь идет о гораздо большем, нежели выход или невыход России из мировой войны, пришло осенью 1917 г. Развал государственных институтов в Петрограде и на местах, фронда национальных окраин Российской империи, падение производства и стихийная демобилизация армии, наконец, продовольственный кризис – все это перечеркивало надежды западных социалистов и либералов, что Россия встала на путь европейского, демократического развития. Ошеломляющим «моментом истины» для современников стал захват власти партией большевиков. Временным правительством Керенского на них был наложен ярлык «германских шпионов», что поляризовало зарубежные отклики на формирование в России правительства народных комиссаров.

Подобная поляризация четко прослеживается на примере Германии. Для ее правящих кругов новая фаза Российской революции была связана с расчетами на заключение сепаратного мира на Востоке. Буржуазно-либеральные партии и умеренные социалисты страшились «эпидемии большевизма», которую не остановят ни фронтовые окопы, ни государственные границы. Излюбленным образом новой России в среде творческой интеллигенции стало «второе великое переселение народов», которое на сей раз охватит весь мир и будет не географическим, а социальным. Наконец, немногочисленная группа немецких единомышленников ленинской партии видела «свет с Востока», который в ближайшее время доберется и до их собственной страны.

Существует огромная научная литература, посвященная реакции на победу большевиков тех или иных фракций политического класса Германии – представителей правительства и военных кругов,

лидеров парламентских партий, ведущих экспертов и журналистов¹ Данная тема весьма популярна и в современной немецкой историографии, попав в тренд «социокультурного поворота», который обращает главное внимание на ментальный подтекст, лежащий в основе принятия тех или иных политических решений.

Вопрос о том, какую роль сыграло восприятие Российской революции в Германии, стал одной из ключевых тем «спора историков» ФРГ 1986 г.² Если инициировавший дискуссию о «сингулярности» нацистских преступлений Эрнст Нольте видит в реакции германской буржуазии на события в России «великий страх», который в конечном счете привел к власти Гитлера³, то левые историки избегают одномерности и прямолинейных обвинений в адрес творцов революционной диктатуры. «Большевизм, несомненно, вызывал страх, но в такой же мере и любопытство [в немецком обществе – А.В.]. Ведь то, что происходило в России, взрывало все обычные мерки. И этому соответствовал размах различий в интерпретациях»⁴.

Не претендуя на охват всего спектра этих интерпретаций, автор в настоящей статье попытается систематизировать самую первую, непосредственную реакцию германских политиков на Октябрьский переворот в Петрограде – реакцию, во многом опирающуюся на стереотипы их традиционного восприятия России и русских. Чтобы получить на выходе «моментальный снимок», представляется целесообразным ограничить период исследования подписанием Брестского мира. В рамках договора, заключенного 3 марта 1918 г., обе страны восстановили свои дипломатические отношения, в результате чего многократно вырос поток информации о событиях в Советской России, достигавшей Берлина. В свою очередь Германия с весны 1918 г. стала для ленинского правительства главным «окном в Европу», пусть даже снабженным фильтрами военной цензуры и полицейской слежки.

Если в странах Антанты утверждение власти большевиков в Петрограде воспринималась в конспирологическом ключе как победа прогерманских сил, прикрывавшихся лозунгом «мир во что бы то ни стало», то реакция военной верхушки Германии была прямо противоположной. Новая волна стихийных братаний на Восточном фронте, предложение Совета народных комиссаров немедленно подписать перемирие и начать мирные переговоры трактовались как признание Россией собственного поражения. В своем интервью газете «Фрайе Прессе» 19 ноября 1917 г. генерал Людендорф заявил, что приход к власти большевиков – не просто случайность, а закономерный результат нашей политики

¹ См. библиографию в приложении к книге: West-Östliche Spiegelungen. Reihe A. Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht von den Anfängen bis zum 20. Jahrhundert. Band 5. Deutschland und die Russische Revolution. München. 1998.

² Dworok G. "Historikerstreit" und Nationswerdung: Ursprung und Deutung eines bundesrepublikanischen Konflikts. Köln. 2015.

³ Нольте Э. Европейская гражданская война (1917-1945). Национал-социализм и большевизм. М. 2003.

⁴ Копелев Л., Кенен Г. Проигранные войны, выигранное благоразумие. Беседа о прошлом в конце эпохи // Германия и русская революция. 1917-1924. Том 5-1. М. 2004. С. 24.

предшествующих лет. Историк Ю. Фельштинский трактует эту фразу как намек на то, что за большевистским переворотом стоит подрывная работа и денежные вливания Германии⁵.

Казалось, мечта немецких экспансионистов о «Срединной Европе» под своим контролем и превращении восточного соседа в бессловесного вассала начала сбываться. Один из лидеров правой Национал-либеральной партии Германии Аксель Рипке заявил 7 декабря 1917 г.: «русская демократия лишь тогда сможет начать свою мирную деятельность, когда германский милитаризм закончит свою победоносную работу»⁶. Представитель МИД при ставке Верховного главнокомандования сообщал 25 ноября, что по мнению военного руководства «ситуация развивается в выгодном для нас ключе, надежды на мир любой ценой растут... Число просьб о перемирии увеличивается... Ленину удалось завладеть фронтом. Ставка считает весьма желательной отправку денег ленинскому правительству»⁷.

Чтобы у читателей не возникло даже мысли о возможности повторения российских событий в Германии, официальная пресса страны с удвоенной энергией принялась эксплуатировать один из главных постулатов военной пропаганды предшествующих лет: Россия есть азиатская страна, и любые попытки направить ее на путь европейского развития обречены на провал. Приход к власти большевиков трактовался не как углубление революции, а как ее бесславное завершение, растворение в «азиатском хаосе», из которого возможен только один выход – «внешнее управление», означавшее на деле иностранную оккупацию.

Для массового сознания немцев, которое за три года войны привыкло к образу дикой и неуправляемой России, а за полгода революции дополнило его картинами революционных оргий и государственного краха, тут не было ничего нового. Страна отрывалась от своих исторических корней, ее сотрясали путчи и перевороты, ее шатало то влево, то вправо. Не случайно газеты проводили параллели и с Парижской коммуной, и с генералом Кавеньяком, и с Огюстом Бланки.

То, что в первом приближении выглядело как «очередной переворот» в цепи революционных событий⁸, по истечении первых недель стало восприниматься гораздо серьезнее. К власти в разрушенной стране пришла партия, которая начала самыми жесткими мерами бороться с произволом революционной толпы, заодно выполняя обещания своих предшественников, бесславно сошедших с исторической сцены. «Всеобщее стремление к миру, немедленному и любой ценой» - это стало самым сильным впечатлением французского офицера Жака Садуля, прибывшего в Петроград в начале октября 1917 г. В своем первом письме на родину он подчеркивал: все русские хотят мира, но не могут его

⁵ Германия и революция в России 1915-1918. Сборник документов. Под ред. Ю.Фельштинского. М. 2013. С. 12.

⁶ Цит. по: Bertsch H., Weissbecker M. Die bürgerlichen Parteien in Deutschland und die Grosse Sozialistische Oktoberrevolution // Die Grosse Sozialistische Oktoberrevolution und Deutschland. Bd. 1. Berlin (DDR). 1967. S. 216.

⁷ Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. Berlin (далее – PAAA). R 10085.

⁸ Vorwärts. 11. November 1917.

организовать⁹. Буквально через две недели такой организатор нашелся. Большевики закрепили свой приход к власти знаменитым «Декретом о мире», решившись на выход из войны по принципу «во что бы то ни стало», поставив чаяния одетых в солдатские шинели социальных низов выше любых геополитических соображений и союзнических договоренностей. Декрет обращался не только к россиянам, но и «к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств, Англии, Франции и Германии»¹⁰. Они должны были заставить правительства своих стран сесть за стол переговоров. Для Верховного командования Германии эти слова звучали как манна небесная.

В своей реакции немецкие генералы не были одиноки. Дипломаты также рассматривали Октябрьский переворот как событие, способное привести к перелому в ходе мировой войны. Сотрудник германского посольства в Швеции Курт Рицлер записывал в своем дневнике 14 января 1918 г.: «Ленин действительно пришел к власти в России – это очередное чудо, которое приведет к нашему спасению»¹¹. В Берлине в первый момент даже не поверили в подлинность Декрета о мире. На совещаниях в МИДе обсуждался вопрос, не является ли его публикация хитрым ходом английской пропаганды с целью дискредитировать «правительство максималистов», как называли большевиков¹².

Лишь 3 декабря 1917 г., то есть почти через месяц после переворота в Петрограде статс-секретарь по иностранным делам Рихард Кюльман представил кайзеру Вильгельму доклад о том, какую политику следует вести в отношении Советской России. Исходный тезис являлся своеобразной вариацией на тему «слабого звена», только в отличие от Ленина речь шла не о «цепи империализма», а об Антанте¹³. Большевики оказывались орудием разрушения коалиции, противостоящей Центральным державам. Руководитель дипломатического ведомства констатировал совпадение интересов вчерашних противников: «для укрепления собственного положения большевикам нужен мир; с ругой стороны, и нам крайне выгодно использовать их, вероятно, недолгое правление, чтобы сначала добиться перемирия, а затем по возможности и мира. Заключение сепаратного мира означало бы осуществление желанной цели войны, разрыв отношений России со своими союзниками»¹⁴. Забегая вперед, следует сказать, что данная установка была полностью реализована германской дипломатией на переговорах в Бресте.

С начала 1918 г. фиксация германского общественного мнения на подготовке мирного договора все больше дополнялась интересом к основным чертам нового режима, утвердившегося в России.

⁹ Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 - январь 1919). М. 1990. С. 19.

¹⁰ Декреты Советской власти. Т. I. М. 1957. С. 15-16.

¹¹ Riezler K. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente. Hrsg. von Karl Dietrich Erdmann. Göttingen. 2008. S. 454.

¹² РААА. R 10085.

¹³ «Российское звено стало слабейшим во вражеской цепи, а посему следует постепенно разомкнуть его и по возможности отцепить» (Цит. по: Кенен Г. Между страхом и восхищением. "Российский комплекс" в сознании немцев. 1900-1945. М. 2010. С. 123).

¹⁴ Там же.

Пролетарская диктатура с ее чрезвычайными мерами против «буржуев и саботажников», введение рабочего контроля, т.е. отстранение предпринимателей от управления собственностью, и наконец, национализация банков (5 декабря 1917 г.) не оставляли никаких сомнений: в России начинается социальная революция по рецептам родившейся в Германии марксистской идеологии, а значит, объяснение в духе «азиатчины», «бунта рабской души» и прочего экзистенциализма больше не работает.

В этих условиях особое значение приобретала оценка революционной диктатуры в России ее идейным соратником – социалистическим рабочим движением Германии, которое считалось во Втором Интернационале «образцовым». Исходя из прагматических соображений, социал-демократы на первых порах приветствовали захват власти большевиками, ибо он обещал скорейшее окончание войны на Востоке. 5 декабря 1917 г. газета СДПГ «Форвертс» писала о том, что «максималистское правительство наводит порядок в стране», разрушенной политическими склоками предшествующих месяцев, причем делает это в интересах российского пролетариата. Идеологические разногласия выносились за скобки, вопрос о применимости русского опыта в Германии не ставился¹⁵.

Левые социалисты, изучая опыт Российской революции, концентрировали свое внимание на том, что она принесла в практику политической борьбы пролетариата, и прежде всего на проблеме рабочих советов. Их позитивно-сочувственное отношение к советской власти продержалось недолго, катализатором критических оценок стал разгон большевиками Учредительного собрания в Петрограде. Карл Каутский, а за ним и другие идеологи НСДПГ - партии «независимцев» - пришли к выводу, что в России речь идет не о диктатуре пролетариата как восходящего класса, а о безраздельном господстве одной партии, воспроизводившей в своей политике приемы и методы царского самодержавия. Другой видный теоретик НСДПГ Рудольф Гильфердинг всерьез воспринимал правление рабочих и крестьянских советов в России, связывая появление такой формы правления с тем, что пролетарская прослойка в населении этой страны была ничтожна. Германия же, имеющая социальную структуру индустриального общества, покончит с капитализмом при помощи существующих парламентских органов власти, считал Гильфердинг¹⁶.

Лидеры радикальных социалистов - группы «Спартак», идейно близкой большевикам, а потому больше других рабочих организаций подвергавшейся полицейским преследованиям в годы Мировой войны, видели в Октябрьском перевороте развитие и углубление процессов, начатых в Феврале. В то же время Роза Люксембург (находившаяся в тюрьме) и ее соратники пытались выработать критическую

¹⁵ Царуски Ю. От царизма к большевизму. Германская социал-демократия и «азиатский деспотизм» // Германия и русская революция. 1917-1924. С. 109.

¹⁶ Smaldone W. Rudolf Hilferding. Tragödie eines deutschen Sozialdemokraten. Bonn. 2000. S. 94.

линию по отношению к политике большевиков, ключевыми моментами которой были вопрос о сепаратном мире и о «красном терроре»¹⁷.

Листовки «Спартак», появившиеся в январе 1918 г., наряду с социальными целями нового этапа революции подчеркивали бескомпромиссный пацифизм большевиков, их готовность пойти навстречу требованиям трудящихся масс. «...Русские пролетарии борются сейчас, опираясь на крестьянство, за удержание и укрепление только что завоеванной ими государственной власти. Они преследуют при этом двойную цель: Покончить с бойней народов. Приступить к осуществлению социализма»¹⁸. Только коренные социальные преобразования, по мнению Розы Люксембург и ее соратников, могли явиться гарантией от войн, которые в начале XX века стали инструментом разрушения человеческой цивилизации – от ее материального фундамента до системы нравственных ценностей.

Главным внешним врагом российских пролетариев, с точки зрения «спартаковцев», выступал германский империализм. Начало брестских переговоров о перемирии не должно вводить немецких рабочих в заблуждение – «хищник никогда не изменяет своей природе». В отличие от Ленина, понимавшего неизбежность сепаратного мира (хотя и встретившего на первых порах острое противодействие среди своих ближайших соратников), немецкие левые социалисты отстаивали формулу достижения «всеобщего мира», подразумевая под ней свержение монархии Гогенцоллернов. Чтобы достичь этой цели, рабочие Германии должны были по образцу Русской революции организовывать Советы, которым и предстояло возглавить всеобщую политическую стачку. Перед ними открывалась альтернатива: «или должно погибнуть правительство, или германский народ неминуемо обречен на гибель... Только народная революция и народная республика в Германии могли бы в кратчайший срок привести нас ко всеобщему миру»¹⁹.

Хотя листовки «Спартак» не доходили до большинства немецких рабочих, вести о Российской революции будили их социальную активность, которая нашла свое выражение в лозунге «Сделаем как в России!» Правительственное «Бюро по социальным вопросам», которое отслеживало настроения в рабочей среде, уже 11 ноября 1917 г. сообщало: «Успех большевиков породил вопрос у многих немецких рабочих: не является ли русский путь более верным и в наших условиях, в отличие от мелкой политической и профсоюзной работы, без выдвижения серьезных ориентиров»²⁰. Переход от слов к делу символизировали массовые забастовки в Берлине в январе 1918 г., в которых приняло участие до полумиллиона человек. Не имея достоверной информации о ходе революции в России, рабочие

¹⁷ Кенен Г. Указ. соч. С. 181.

¹⁸ Час решения // «Спартак» во время войны. Документы и нелегальные листовки союза «Спартак» во время войны. М. 1933. С. 179-180.

¹⁹ Да здравствует всеобщая забастовка! На борьбу! // Там же. С. 187.

²⁰ Цит. по: Rosenfeld G. Sowjetrussland und Deutschland 1917-1922. Berlin. 1960. S. 9.

воспринимали ее как катализатор, необходимый для того, чтобы освободиться от верноподданнического духа, навязанного немцам их исторической традицией.

Голодные массы на исходе мировой войны были поражены вирусом равнодушия, они потеряли веру в победу, сокрушался в своих мемуарах фельдмаршал Гинденбург²¹. Его ближайший соратник генерал Людендорф возлагал на гражданские власти ответственность за то, что те не расправились с рабочими выступлениями железной рукой. Он писал, что в 1917 г. рейхсканцлер Бетман-Гольвег и министр иностранных дел Австрии граф Чернин «всецело находились под влиянием русской революции. Они оба опасались, что то же может произойти в их странах»²². «Руководители рабочего движения и главные органы социалистической печати, которые впоследствии вступили в борьбу с большевизмом, все еще не усматривали в нем особой опасности»²³, подчеркивал в своих мемуарах Людендорф, «забывший» о том, что весной 1917 г. он сам дал добро на отправку Ленина в Россию через территорию Германии.

Весьма различными были и оценки лозунгов и действий большевиков, направленных на приближение всемирной пролетарской революции. И до, и после прихода к власти Ленин заявлял, что российская революция является не столько национальным, сколько международным явлением. Она должна превратить империалистическую войну в гражданскую, т.е. в решающее столкновение между европейским пролетариатом и буржуазией, которое откроет дорогу социалистическим преобразованиям во всем мире. Хотя Россия находилась на периферии Европы и была отделена от передовых стран линией фронта, подобная пропаганда находила горячий отклик у трудящихся масс. «Интернационализм в ситуации конца Первой мировой войны был одной из самых доступных идеологием большевиков, способной (пусть и в сильно упрощенной форме) политизировать даже солдат из неграмотных крестьян»²⁴.

Обещание новых властей России «раздуть мировой пожар» воспринимались либеральной прессой и общественностью Германии как прямая угроза ценностям западной цивилизации. В то же время политики и публицисты не могли не признать, что ленинская трактовка обновила марксистскую идеологию, заменила пассивное ожидание претворения в жизнь железных законов истории революционным активизмом. В их высказываниях проскальзывали даже нотки зависти перед «безбрежным российским идеализмом», который на порядок выше «узкой и мелкой западноевропейской жизни»²⁵.

²¹ Гинденбург П. фон. Из моей жизни. М. 2013. С. 240-241.

²² Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. М. 2016. С. 391.

²³ Там же. С. 494.

²⁴ Альберт Г. «Мировая революция – прелестная вещь». Интернационализм большевистских активистов первых лет советской власти. // Конструируя «советское»? Бюллетень Германского исторического института в Москве. № 6. М. 2012. С. 23.

²⁵ Из доклада литератора Артура Лютера «Мир духовных и политических представлений большевиков», прочитанного в Берлине в июне 1918 г. (Цит. по: Кенен Г. Указ. соч. С. 134)

Особого страха перед «мировым большевизмом» и его возможным приходом в Германию в берлинском МИДе в начале 1918 г. не испытывали. Дипломаты рассматривали события в России в традициях реальной политики как изолированное явление, результат краха прогнившей государственной машины и в то же время как бессмысленный бунт русской души, которым следует воспользоваться. В отличие от военных кругов, настаивавших на возобновлении боевых действий в случае невыполнения германских ультиматумов²⁶, ведущие сотрудники МИДа выступали за налаживание торгово-экономических отношений с Советской Россией, чтобы вовлечь ее в сферу германского влияния. Такая позиция дипломатического ведомства сохранялась с небольшими модификациями вплоть до конца 1918 г.²⁷

Переговоры о заключении мирного договора позволили представителям правящих кругов Германии своими глазами увидеть состояние дел в России. На рубеже 1917/1918 гг. в Петроград прибыла правительственная делегация для участия в работе совместной комиссии по обмену военнопленными и восстановлению почтового и железнодорожного сообщения. Ее руководитель граф Вильгельм Мирбах отмечал в своих донесениях, что по мнению оставшихся в российской столице дипломатов нейтральных стран большевики долго не продержатся у власти. Рано или поздно «население увидит, что Троцкий и Ленин не наколдуют ему хлеба, ... и поднимет на щит новых вождей»²⁸. Члены делегации не верили в то, что власти Советской России смогут в кратчайший срок воссоздать боеспособную армию. Уже после подписания Брестского мира германские офицеры провели в передовых частях старой российской армии массовый опрос, показавший стремление подавляющего большинства солдат покинуть фронт. Из 18847 опрошенных 87% хотели бы вернуться в деревню, 11,3% - остаться в больших городах, и лишь 1,7% были готовы продолжать службу в армии²⁹.

Однако и без социологических опросов катастрофическое состояние армии было очевидным. Революционные ультиматумы советской делегации во время переговоров в Бресте только разжигали аппетиты кайзеровской военщины, приступившей к разделу «ничейного» геополитического пространства от Вислы до Волги. Германские военные и дипломаты в начале 1918 г. в один голос утверждали, что Россию как субъект международной политики можно списать со счетов. Попытки Троцкого перехитрить своих оппонентов выдвижением агитационного лозунга «ни войны, ни мира» завершились провалом. Генерал Макс Гофман, игравший первую скрипку на переговорах в Бресте, имел основания злословить

²⁶ См. донесение члена делегации Мирбаха адмирала Кейзерлинга из Петрограда от 21 января 1918 г. (РААА. R 10091). На донесении есть пометки рейхсканцлера Гертлинга, который подчеркнул фразу о том, что Россия вернулась к самодержавному правлению, Ленин и Троцкий «противодействуют соучастию во власти говорливого народного представительства».

²⁷ См. подробнее: Ватлин А.Ю. «Русский отдел» германского МИДа на рубеже 1918–1919 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 3. С. 377-385.

²⁸ Донесение графа Мирбаха от 4 января 1918 г. из Петрограда // РААА. R 10088.

²⁹ Телеграмма из Ставки Верховного главнокомандования в МИД от 12 марта 1918 г. // РААА. R 22314.

по поводу «дипломатов в лаптях», прибывших из Петрограда. Окончательный вариант мира между Советской Россией и Центральными державами, по его мнению, закрепил тот факт, что «русское могущество на целый ряд лет уничтожено революцией и большевистским хозяйничаньем»³⁰.

Русофильские настроения консервативной части германской элиты, выраженные, в частности, в «Рассуждениях аполитичного» Томаса Манна³¹, были нейтрализованы очередным приступом великогерманского шовинизма. Дуумвират Гинденбурга-Людендорфа, подмявший под себя всю внутреннюю политику страны, к 1917 г. добрался и до политики внешней. Можно согласиться с мнением немецкого историка Карла Дитриха Эрдмана, что жесткую линию военных в русском вопросе определяло не только желание опередить Антанту, но и «воинствующий антибольшевизм, стремление любой ценой оградить Германию от революционной заразы»³².

Сопrotивление гражданских деятелей оборачивалось их отставками, как это произошло весной 1917 г. со статс-секретарем по иностранным делам Циммерманом и летом того же года – с канцлером Бетман-Гольвегом. Не следует сбрасывать со счетов и то влияние, которое оказывал на реалистически настроенных политиков гром легких побед на Востоке. Будущий министр иностранных дел Веймарской республики, а в годы мировой войны посланник в Дании, граф Брокдорф-Ранцау летом 1917 г. являлся сторонником компромиссного мира с Россией, но уже в начале следующего года выступил за выдвижение в Бресте максимальных требований³³. Курт Рицлер, один из ключевых экспертов по России в германском МИДе (в апреле 1918 г. его направят на дипломатическую работу в Москву), накануне подписания мирного договора высказывался за то, чтобы «шаг за шагом отвоевывать важные для нас области» бывшей Российской империи³⁴. Германское решение о прекращении мирных переговоров и новом наступлении на Петроград было принято на коронном совете, собравшемся 13 февраля 1918 г. Мнение статс-секретаря по иностранным делам Кюльмана, настаивавшего на том, что бесполезно бороться военной силой с революционным образом мыслей, не было принято во внимание³⁵.

В условиях беззастенчивого дележа военной добычи на Востоке подали свой голос и крупнейшие предприниматели Германии. В своих меморандумах они просили учитывать не только ожидаемые «преимущества» в эксплуатации ресурсов приобретенных территорий, но и потери германских капиталовложений в результате национализации, проведенной советскими властями. По оценкам

³⁰ Гофман М. Война упущенных возможностей. СПб. 2016. С. 216-217.

³¹ См. подробнее: Кенен Г. «Рассуждения аполитичного». Томас Манн о России и большевизме // Германия и русская революция. С. 299-359.

³² Erdmann K.D. Kurt Riezler – ein politisches Profil // Riezler K. Op. cit. S. 101-102.

³³ Scheidemann Ch. Ulrich von Brockdorff-Rantzau. Eine politische Biographie. F. a. M. 1998. S. 345.

³⁴ Письмо Рицлера немецкому посланнику в Швеции Бергену от 21 февраля 1918 г. – Riezler. Op. cit. S.704-705.

³⁵ Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien, Muenchen. 1966. S. 64.

капитанов финансового бизнеса, представленным в германское правительство 27 февраля 1918 г., эти потери составляли от 4 до 5 млрд. марок³⁶.

Подписание Брестского мира не только подвело черту под участием России в Первой мировой войне, но и позволило большевикам ужесточить собственную диктатуру. Немецкие наблюдатели, в том числе прибывшие в Москву журналисты и дипломаты, подчеркивали присутствие «железной руки» и необратимость произошедших изменений. «В своем отчаянии большевики способны на все», отмечал в своем донесении от 4 июня Курт Рицлер, в очередной раз отводя советской власти срок жизни всего в несколько недель³⁷.

Если в вопросе о судьбах первой российской демократии правящие круги Германии выбрали правильный ответ, подчеркивая ее деструктивный характер и недолговечность, то в оценках перспектив большевистской диктатуры они кардинально ошиблись. Говоря вначале о днях и неделях, а потом о месяцах, в течение которых Ленин сможет удержаться у власти, они слишком доверяли марксистской упаковке, в которой подавались первые шаги революционной диктатуры. О том, что «утописты у власти» оказались прожженными прагматиками, и завоеванное ими государство совсем не собирается «отмирать», все больше прибегая к методам тотального террора, в Берлине заговорили только летом 1918 г., и то лишь самые смелые из комментаторов германской прессы³⁸.

Новая геополитическая реальность, созданная в Центральной Европе «грабительским миром», вызывала у здравомыслящих политиков Германии сомнения в будущей стабильности региона. Вальтер Ратенау признавал, что четыре независимых государства, возникших на западных окраинах Российской империи, не дадут нам спокойной жизни. «Каким милым соседом в сравнении с ними была имперская Россия!» - отмечал будущий министр иностранных дел Веймарской республики³⁹. После Бреста не только Россия оказалась вассалом германского империализма (об этом откровенно писала советская пресса), но и сама Германия была вынуждена связать свою судьбу с большевиками, ибо РКП(б), по единодушному мнению берлинских политиков, оставалась единственной партией в России, с которой они могли вести дальнейшие переговоры⁴⁰.

Революция, разразившаяся в Берлине в ноябре 1918 г. и свергнувшая монархию Гогенцоллернов, имела в числе своих причин не только проигранную войну, но и влияние Российской революции, которое в течение года испытывали на себе «низы» и «верхи» немецкого общества. Она покончила

³⁶ Rosenfeld G. Op. cit. S. 89.

³⁷ Регулярные донесения германского посольства в Москве начинаются с 28 апреля 1918 г., их авторами были посол Мирбах и первый секретарь посольства Курт Рицлер // РААА. R 10111.

³⁸ См. репортажи корреспондента газеты «Франкфуртер цайтунг» в Москве Альфонса Паке (Кенен Г. Между страхом и восхищением. С. 149-156).

³⁹ Письмо Ратенау майору Штайнбомеру от 1 марта 1918 г. // Rathenau W. Politische Briefe. Dresden. 1929. S. 173.

⁴⁰ Меморандум, переданный 26 марта 1918 г. в МИД лидером немецкой партии Центр депутатом рейхстага Матиасом Эрцбергером // РААА. R 2000.

с наиболее одиозными приметами «старого режима» и расчистила площадку для новых политических институтов. Берлинские революционеры активно заимствовали русский опыт, назвав свое правительство Советом народных уполномоченных и создавая по всей стране Советы рабочих и солдатских депутатов. Но это была только похожая упаковка, внутри которой заключалось иное, либерально-демократическое содержание. В отличие от России, вернувшейся к своему «особому пути» спустя всего лишь полгода после свержения царского самодержавия, первая германская демократия удерживала страну от сползания к очередному «зондервегу» на протяжении целого десятилетия.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Германия и революция в России 1915-1918. Сборник документов. Под ред. Ю.Фельштинского. М. 2013.
2. Германия и русская революция. 1917-1924. Том 5-1. М. 2004.
3. Кенен Г. Между страхом и восхищением. "Российский комплекс" в сознании немцев. 1900-1945. М. 2010.
4. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. М. 2016.
5. Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 - январь 1919). М. 1990.
6. «Спартак» во время войны. Документы и нелегальные листовки союза «Спартак» во время войны. М. 1933.
7. Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien, München. 1966.
8. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. Berlin.
9. Rathenau W. Politische Briefe. Dresden. 1929.
10. Riezler K. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente. Hrsg. von Karl Dietrich Erdmann. Göttingen. 2008.
11. Rosenfeld G. Sowjetrussland und Deutschland 1917-1922. Berlin. 1960.

BIBLIOGRAPHY:

1. Germanija i revolucija v Rossii 1915-1918. Sbornik dokumentov. Pod red. U. Felshtinskogo. M. 2013.
2. Germanija i rysskaja revolucija. 1917-1924. Tom 5-1. M. 2004.
3. Kenen G. Mezhdy strahom I voshisheniem. «Rossijskij kompleks» v soznanii nemcev. 1900-1945. M. 2010.
4. Ludendorf E. Moi vospominanija o vojne. 1914-1918 gg. M. 2016.
5. Sadyl Zh. Zapiski bol'shevistskoj revolucii (oktyabr' 1917 – janvar' 1919). M. 1990.
6. “Spartak” vo vremja vojny. Dokymenty I nelegalnye listovki souza «Spartak» Vo vremja vojny. M. 1933.
7. Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien, München. 1966.
8. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. Berlin.
9. Rathenau W. Politische Briefe. Dresden. 1929.
10. Riezler K. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente. Hrsg. von Karl Dietrich Erdmann. Göttingen. 2008.
11. Rosenfeld G. Sowjetrussland und Deutschland 1917-1922. Berlin. 1960.